

Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв.

ДМИТРИЙ Ю. ДОРОНИН

Рекомендация для цитирования:

Доронин Д. Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 100–135. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-100-135>

For citations:

Doronin, D.Yu. (2024) "Shining Shrines: The Handicrafts of the Mass Peasant Icon and Its Affordances in the 19th — 20th cc.", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(3): 100–135. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-100-135>

Поступила в редакцию: 18.05.2024; прошла рецензирование: 08.09.2024; принята в печать: 16.09.2024.

Received: 18.05.2024; Revised:

08.09.2024; Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

РГГУ (Москва, Россия). demetra2@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3002-8074

Статья посвящена материальным аспектам истории промысла расхожей иконы и советской фолежной иконы в частности. При анализе трансформаций различных исторических форм промысла массовых икон автор использует понятие аффорданс, то есть возможность окружающей среды, свойство предмета или объекта окружающей среды, которое позволяет использовать этот объект определенным образом. Аффорданс иконного промысла — это какой-либо (социальный или природный) ресурс, становящийся ключевой возможностью для его рождения, развития его технологической и рыночной инфраструктуры или последующих важных трансформаций. Такими ресурсами-возможностями могли быть не только изобретения ключевых технологий и материалов, но и важные социально-политические события — например колонизация и поздняя христианизация края, сеть дорог в нем или особенности природопользования. Массовая ремесленная икона каждого из исторических этапов промысла формируется своими аффордансами: природными, промысловыми, промышленными, конфессиональными, этническими и др. Через рассмотрение аффордансов можно понять специфику истории, социально-технологического развития явления советской иконы. Автор статьи ограничивает свой анализ несколькими важными сюжетами на примере промысла

во владимирско-нижегородском регионе: (а) природными аффордансами начала промысла, (b) аффордансами периода его интенсивного распространения во время русской колонизации новых земель (инфраструктурные, этноконфессиональные аффордансы) и (с) некоторыми материально-технологическими аффордансами позднего этапа развития промысла, включая советскую эпоху. Из предшествующих форм икононого промысла мастерами советской иконы были заимствованы наиболее простые технологии и дешевые расходные материалы, которые были частично переизобретены. Дешевизна, простота, массовость были значимы и в промысле советской иконы. В этом плане она — одна из форм иконы расхожей. Помимо того, советская икона создавалась и в совсем других, уникальных и экстраординарных условиях: прагматика ее промысла не была связана с извлечением выгоды из массовости, «конвейерности» или быстроты производства, она заключалась в восполнении дефицита ритуальных артефактов.

Ключевые слова: иконы, расхожие иконы, советские иконы, фолежные иконы, иконный промысел, аффордансы промысла

Shining Shrines: the Handicrafts of the Mass Peasant Icon and Its Affordances in the 19th — 20th cc.

Dmitriy Yu. Doronin

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

demetra2@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3002-8074

The article is devoted to the material aspects of the history of the craft of mass peasant icons and Soviet folezh icons in particular. In analyzing the transformations of various historical forms of the craft of mass peasant icons, the author uses the concept of affordance, that is, the possibility of the environment, a property of an object or the environment that allows it to be used in a certain way. The affordance of an icon craft is a factor that becomes a key opportunity for its birth, the development of its technological and market infrastructure, or subsequent important transformations. Such factors could be not only the inventions of key technologies and materials, but also important socio-political events, for example, colonization and late Christianization of the region, the network of roads or the peculiarities of nature management. The mass peasant icon of each of the historical stages of the craft is formed by its affordances: natural, commercial, industrial, confessional, ethnic, etc. Through consideration of the affordances, one can understand the elements of the history and socio-technological development of the phenomenon of the

Soviet icon. The author of the article limits his analysis to several important subjects on the example of Vladimir-Nizhny Novgorod region: (a) natural affordances of the beginning of the icon craft, (b) the affordances of the period of its intensive spread during the Russian colonization of new lands (infrastructural, ethno-confessional affordances) and (c) some material and technological affordances of the late stage of the development of the icon craft, including the Soviet era. From the previous forms of icon craft, the masters of the Soviet icon borrowed the simplest technologies and cheap consumables, which were partially re-invented. Cheapness, simplicity, and mass production were also significant in the craft of the Soviet icon. In this regard, it is one of the common forms of icons. Besides, the Soviet icon was created in completely different, unique and extraordinary conditions: the pragmatics of its craft was not related to extracting benefits from mass production, “conveyor belt” or speed of production, it consisted in filling the shortage of ritual artifacts.

Keywords: icons, mass peasant icons, Soviet icons, foil icons, icon craft, affordances

НАША статья посвящена материальным аспектам промысла советских икон. В историко-технологическом аспекте эти артефакты — наследники массовых ремесленных (так называемых «расхожих») икон, которые создавали на Руси с XVI–XVII вв.¹ Советские иконы можно рассматривать и как одну из форм расхожей иконы, чье производство стало доминирующим в советское время. Развивая этот промысел, мастера-кустари отталкивались от различных ресурсов, возможностей, которые в эпоху СССР предоставляла им среда (в ее материальных, природных, технологических, социальных аспектах). С одними из них иконщики сталкивались и раньше (со времен Средневековья), другие возможности среды оказались специфичными в советские десятилетия. Так, советская икона оказывалась одновременно и древним, и современным, современным религиозным артефактом. Поэтому для понимания генезиса советской иконы, социальной организации ее промысла необходим исторический экскурс. Необходимо историческое исследование «диалектики» различных возможностей среды, благодаря которым развивался промысел массовых ремесленных икон.

1. Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М.—Л.: Academia, 1934. С. 22.

Создание таких икон предполагало определенные экономические и технологические особенности производства. Здесь было важно сочетание быстроты исполнения, дешевизны и привлекательности материалов — только так икона могла стать доступной и массовой. На протяжении нескольких веков поколения мастеров-иконщиков следили за появлением новых материалов, художественных стилей и технологий (гравюра, хромолитография, гальванопластика и пр.), адаптируя их для своего ремесла — так складывались различные формы массовой иконы и организации ее промысла, от семейных мастерских до фабрик.

Вкратце историю промысла расхожих икон XVII–XIX вв. мы описывали в книгах и в статье, посвященных «суздальщине» — одному из главных центров их производства в дореволюционной России². Преимущественно на материалах владимирско-нижегородского региона мы будем развивать наши тезисы и в этой статье, уделив особое внимание нижегородскому югу — здесь колонизации и христианизации мордовских земель с XVII в. сопутствовали перенос и заимствование технологий расхожих икон с последующим расцветом в XX в. советской фолежной иконы. Мы подробно рассмотрим наиболее важные ресурсы и факторы (природные, материально-технологические, социально-экономические), которые в разные эпохи делали возможным возникновение и распространение новых форм массовой иконы. Для понимания процессуальности промысла нам будет необходимо более тонкое «по настройке» и создаваемой исследовательской оптике понятие.

Понятие аффорданса

При анализе трансформаций различных исторических форм промысла расхожих икон в дореволюционный и в советский периоды мы используем понятие *аффорданса* (от англ. *affordance* — ожидаемое назначение, возможность действия). Возможность в таком, первоначально экологическом смысле — это также «свойство предмета или окружающей среды, которое позволяет использо-

2. Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022. С. 10–27; Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023. С. 10–44; Доронин Д. Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.

вать их определенным образом»; взаимодействие между неким потенциалом окружающей среды и способностью действующего в ней актора³. Термин этот, хотя и был предложен психологом и когнитивистом Джеймсом Дж. Гибсоном⁴, в настоящее время распространен в рамках многих антропологических подходов⁵. Помимо экологических представлений о среде и экологической нише, на Гибсона оказали влияние идеи гештальт-психологов о способности предметов материального мира порождать для человека новые смыслы. Так, например, в значении «валентность» или «возбуждающая способность» Курт Левин использовал термин *Aufforderungscharakter*⁶.

Применительно к истории иконного промысла можно говорить о его «экологии» и «экологической нише» в том плане, в котором он развивается, когда мастера встраивают его в те или иные возможности среды. Типология этих возможностей (т.е. аффордансов), выявление и изучение главных из них, как и сама «экологическая оптика», важны для исследований в области материальной религии. Такая оптика дает нам более упорядоченное и тонкое понимание структуры и генезиса промысла массовых икон.

Расхожая икона на каждом этапе промысла формируется своими аффордансами: *природными, промысловыми, промышленными, конфессиональными, этническими* и др. Так, например, в распространенных на нижегородском юго-западе сельских кустарных иконах-киотках 1930–1940-х гг. в качестве основного декоративного материала использовали не фольгу, а липовое лыко. Колхозный лыковый промысел оказался промысловым аффордансом, который позволил появиться и распространиться иконе-киотке такого типа. Другой пример промыслового аффорданса

3. Волкова Н.А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. № 31(2). С. 100.
4. Gibson, J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.
5. См. об этом: Blewett, C., Wayne, H. (2016) "Actant Affordances: a Brief History of Affordance Theory and a Latourian Extension for Education Technology Research", *CriS-TaL: Critical Studies in Teaching & Learning* 4(1): 55–73; Keane, W. (2014) "Affordances and Reflexivity Inethical Life: an Ethnographic Stance", *Anthropological Theory* 14(1): 3–26; Meyer, B., Houtman, D. (eds.) (2012) *Things: Religion and the Question of Materiality*. New York: Fordham University Press.
6. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 204–205.

связан с инновацией в крестьянском плотницком деле. Экономически выгодная, эффективная форма ремесла сформировалась благодаря технологии продольной распиловки бревен, которая появилась в XVII в. и постепенно распространилась по территории Российской империи в XVIII–XIX вв. Эта новая технология позволяла производить иконные доски и доски для киотов и икон гораздо быстрее. Так сформировались важные особенности промысла деревщиков и киотчиков (изготовителей киотов для икон массового производства).

Важными аффордансами, вызывавшими многообразие массовых икон (печатных и др.) в разные эпохи, становились различные технологические открытия и инновации: изобретение технологии ксилографии в Европе в XV в., печатного станка в Европе в 1440-х гг., техники литографии в Германии 1790-х гг., прокатного стана в конце XVI в. и паровой машины в XVII–XVIII вв., открытие техники хромографии в 1830-х гг. и ее использование в сочетании с рельефной штамповкой по металлу в 1890-е гг., изобретение в 1838 г. технологии гальванопластики (позволившей получить недорогую золоченую фольгу), станиоля (свинцово-оловянной фольги) в конце XIX в. и алюминиевой фольги в 1900-е гг., распространение дешевой черно-белой фотографии с 1940-х гг. и, наконец, модернизация советской молочной промышленности в начале 1960-х гг., о чем более подробно будет рассказано в последнем разделе нашей статьи. Комплексный материально-технологический аффорданс — это сочетание нескольких значимых для промысла ресурсов, например, недорогих материалов (бумаги, лыка, фольги) и технологии хромографической или, с середины XX в., фотографической печати.

Материальные и социальные аспекты промысла (семиотические идеологии и акторные сети промысла) неразрывно связаны⁷. Появление новых материалов и технологий вызывали не только социально-экономическую «пересборку» промысла расхожей иконы, но и споры по поводу допустимости этих инноваций. Как

7. В одной из наших статей мы рассматривали историю семиотических идеологий и конфликтов вокруг массовых икон в XVI–XX вв. Семиотическим идеологиям, определяющим отношение к советским иконам в постсоветскую эпоху, посвящена статья Д. И. Антонова и А. И. Завьяловой. *Доронин Д. Ю.* Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60; *Антонов Д. И., Завьялова А. И.* Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 136–163.

отмечал антрополог Уэбб Кин, «Материальные свойства икон и всего, что их окружает, включая места, в которых они находятся, и действия, которые люди совершают по отношению к ним и с ними, служат основой для дальнейших действий и размышлений о них»⁸.

В этой статье мы сфокусируемся на нескольких важных сюжетах. Прежде всего, мы рассмотрим природные аффордансы, которые были важны для начала промысла расхожих икон в интересующем нас регионе в XVII в. После этого поговорим об аффордансах периода его интенсивного распространения к востоку и югу от «суздальщины» (инфраструктурные, этноконфессиональные аффордансы). Наконец, обратимся к материально-технологическим аффордансам позднего этапа развития промысла, включая советскую эпоху.

Рождение «суздальщины»: природные аффордансы промысла

Явление советской иконы (иконы-киотки советского времени) на нижегородском юге возникло не внезапно, вне связи с другими формами иконного промысла. Наиболее крупным, ближайшим к Нижегородскому краю центром промысла массовых икон до конца 1910-х гг. была «суздальщина» («суздальское иконное дело»). Именно этот центр в значительной степени повлиял на нижегородский надомный промысел икон в советское время.

Производство расхожих икон уже в XVII в. приобрело здесь массовый характер. Такие иконы предназначались для простого народа и поэтому были недорогими, яркими и быстрыми в изготовлении. Их дешевизна была связана с поточностью и массовостью производства. С XVII вв. и особенно в XIX в. возникло несколько разновидностей массовой иконы. Все их можно разделить на две большие группы: писанные и печатные расхожие иконы⁹. Среди писанных наиболее известны поздние их формы —

8. См.: Keane, W. (2014) "Rotting Bodies: The Clash of Stances toward Materiality and its Ethical Affordances", *Current Anthropology* 55(10): 312–321.

9. Подробнее о печатных иконах и связанных с ними столкновениях разных семиотических идеологий см., например: Вальчак Д. Как изобретение печатной машины повлияло на русскую иконопись? Печатные иконы в России конца XIX — начала XX в. // *Studia Humanitatis*. 2021. № 2 [https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_4.pdfБ доступ от 18.11.2024]; Доронин Д. Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии. С. 35–60.

например *краснушки, чернушки*¹⁰, *щепные иконы*¹¹. Были распространены и промежуточные, гибридные формы поздней иконы: например, дешевые *подфолежные* и *подокладные* иконы¹² к началу XX в. изготовляли уже фабрично, используя не писанные образы, а печатные хромофотографии. После революции 1917 г. многообразие форм этих икон быстро исчезло, поскольку промышленная капитализированная инфраструктура их массового производства и распространения при советской власти оказалась разрушена. Только два вида массовых икон — икона-киотка (в большинстве случаев фолежная) и, в меньшей степени, печатная икона — продолжили развиваться в СССР. На примере развития разных форм «суздальского иконного дела» можно проследить действие разных аффордансов — прежде всего, природных, инфраструктурных и технологических.

Действие *природных (социально-экологических) аффордансов* оказалось особенно значимым при возникновении промысла. Большинство расхожих икон производилось здесь «мирскими иконниками» (т. е. мастерами из крестьян) в деревнях и селах Мстёрской, Палеховской и Холуйской волости в Вязниковском уезде Владимирской губернии¹³. Помимо Вязниковского уезда ремесленники-иконники проживали и в других восточных владимирских уездах и городах междуречья Оки и Волги — Суздале, Владимире, Боголюбове, в селах Ковровского уезда, в Гороховце, Муроме, Вязниках, Переславле-Залесском, Шуе. Однако в течение XVIII в. многие центры производства массовой крестьянской иконы исчезли.

10. Расхожие писанные иконы, удешевление производства которых состояло в использовании ограниченного числа недорогих пигментов и преимущественно одного цвета (красного или черного) в выписывании фона иконы.
11. Тип дешевой иконы, для написания которой использовалась «щепа» — тонкая дощечка, отщепленная от чурбака и оструганная только с лицевой стороны.
12. Иконы, создаваемые специально под оклад или под фольгу (т. е. под еще более дешевый оклад). Первоначально это были писанные иконы, на которых иконописец прописывал только то, что не закрывалось окладом (лики, руки, ножку Младенца), остальное лишь намечалось контуром. Делалось это для удешевления и убыстрения производства, поскольку конкуренция с другими формами массовой иконы (например с печатными по бумаге и металлу) была очень высока.
13. Ушаков Н. Н. Исторические сведения об иконописании и иконописцах Владимирской губернии // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга VIII. Владимир: Типография Губернского Правления, 1906. С. 6.

Ил. 1. Вязниковский уезд Владимирской губернии в 1778–1921 гг. (темная заливка) в современной сетке районов Владимирской и Ивановской областей. Голубыми точками отмечены (с севера на юг) центры иконного промысла — современные г. Мстёра, с. Холуй и пгт. Палех

Возникновение иконного кустарного промысла в восточной части Владимирской губернии было определено во многом природными условиями: малым количеством пахотных земель, большими разливами рек, преобладанием болот и лесов смешанного и южно-таежного типа. Это яркий пример *социально-экологических аффордансов* промысла расхожей иконы.

К концу XVIII века вымерший в большинстве местностей Владимирско-Суздальского края иконописный промысел сосредоточивается в трех больших селах: Палехе, Мстере и Холуе. Для крестьянского населения всех трех сел занятие земледелием не было основным. Особенно характерно в данном отношении положение Холуя, всегда существовавшего без наделной пахотной зем-

ли. <...> Для населения района занятие иконописью всегда было значительно выгоднее занятия земледелием. Последнее было делом побочным и чаще всего принимало арендные или ипольные формы. Каждое из этих трех сел с давних пор нашло свой уклон в иконописном деле¹⁴.

В 1840–50-х гг. Константин Никитич Тихонравов (1822–1879), археолог, этнограф, статистик и редактор «Владимирских губернских ведомостей», выпустил серию публикаций по истории офенной торговли и промысла «суздальской» расхожей иконы, прежде всего в Холуе. Он тоже увязывал местные промыслы с природными особенностями:

Почва земли в том краю большею частию болотистая и песчаная, а потому неудобная для хлебопашества, естественно побудила жителей Шуйской и Холуйской волостей искать для себя и семейств своих пропитания на чужбине и заставила их заняться, при недостатке капиталов, ходебщинскою-офенскою торговлею¹⁵.

В подобных зонах рискованного земледелия в этой части Владимирской губернии, как и в соседних с ней Костромской и Нижегородской губерниях, складывались целые анклавные офенские (торговых) и ремесленных сел и деревень, специализирующихся на разных (местных кустарных или отхожих) промыслах — саней, деревянной посуды, ткани, валенок, колокольчиков, икон, киотов и пр.

14. Бакушинский А. В. Искусство Палеха. С. 23–24.

15. Тихонравов К. Н. Офени Владимирской губернии // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. и изд. К. Тихонравов, ред. неофициальной части Владимирских губернских ведомостей, член Императорских о-в: Русского Географического и Археологического и соревнователь Императорского Московского о-ва истории и древностей российских. М.: в Унив. тип., 1857. С. 22.

Ил. 2. Изготовление фолежных икон-киоток в ремесленной мастерской. Владимирская губерния, Вязниковский уезд, сл. Мстёра. Начало XX в. Фото А. П. Курочкина. Фотоколлекция МАЭ РАН, № 2106-60

Дороги и реки: инфраструктурные аффордансы промысла

Согласно исследованиям этнографов и историков искусства, первоначально иконное ремесло возникает в Холуе, затем в Палехе и позже всех — в Мстёре, однако именно в ней в XIX в. оно развилось в наиболее мощное капитализированное фабричное производство массовой иконы. Иконное ремесло в этом регионе распространялось вместе с иконами и киотами, завозимыми на ярмарки, в большей степени по рекам, формируя множество локальных традиций и «пошибов». Так, например, А. В. Бакушинский приводит сведения о том, что в Мстёру, Вязники, Гороховец и, вероятно, в Муром иконописное дело распространилось из Владимира и Боголюбова по реке Клязьме¹⁶.

Восточные уезды Владимирской губернии граничили с западными и юго-западными частями Нижегородской губернии, были

16. Бакушинский А. В. Искусство Палеха. С. 23.

связаны с ними и Нижним Новгородом трактами и стружными ходами по рекам, ярмарками, торговыми, кустарными, промышленными, военными (например, в Смутное время), церковными др. отношениями. К. Н. Тихонравов пишет о подобных связях применительно к с. Холуй:

По слободе протекает река Теза, а в 6 верстах от слободы река Клязьма, в которую впадает Теза. Из актов видно, что до конца XVII столетия по реке Тезе, «от Шуи вниз до реки Клязьмы и до Оки и до Волги и до Астрахани был струговой ход изстари, с Макарьевской ярманки и из Нижняго и из иных низовых городов ходили струги со всякими товарами»¹⁷.

Поэтому, по всей видимости, именно «суздальская» расхожая икона с ее промыслом в этих владимирских уездах оказала определяющее влияние на становление традиций советской фолк-иконной в Нижегородской области.

Самыми важными наземными путями между владимирским востоком и нижегородским югом были: Старомосковская (Старая Муромская) дорога, Московско-Сибирский тракт (*Царская сакма*) и *Сараклычская (Саровская) сакма*. Первая дорога шла через Муром на Нижний Новгород практически параллельно р. Оке, по территориям Муромского и Нижегородского уездов, которые в советское время были отнесены к Навашиному, Вачскому, Павловскому и Богородскому районам Нижегородской области. Второй тракт был проложен еще до того, как окружающие его земли были заселены русскими, и был известен как старинная торговая и военная дорога *Царская сакма*. Ею пользовались татарские и мордовские войска, купеческие караваны и посольства русских князей, отправлявшиеся за ярлыком на княжение в Орду. На своем участке от Мурома до Арзамаса она проходила вдоль р. Тёши — по территориям, которые в XX в. были отнесены к Навашиному, Выксунскому, Кулебакскому, Ардатовскому и Арза-

17. Тихонравов К. Н. Народная промышленность и ярманочная торговля в Холуйской слободе, Владимирской губернии // Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. и изд. К. Тихонравов, ред. неофициальной части Владимирских губернских ведомостей, член Императорских о-в: Русского Географического и Археологического и соавтор Императорского Московского о-ва истории и древностей российских. М.: в Унив. Тип., 1857. С. 31.

масскому районам. Третья дорога, *Сараклычская сакма* вела через Ардатовское городище (*Ордатов*) на Темников.

Дороги, речные пути и давнее торговое и военно-политическое сообщение между востоком Владимирской губернии и нижегородским югом можно рассматривать в качестве *инфраструктурных аффордансов*, способствовавших распространению «суздальских» массовых икон и традиций их промысла. Это стало особенно значимым с эпохи казанских войн и последующей колонизации и христианизации юго-восточных земель. Летом 1552 г. через эти мордовские места во время третьего Казанского похода по *Царской сакме* с Муром на Арзамас прошло войско Ивана Грозного¹⁸. В местах воинских станов, в ближайших селениях вдоль старинных дорог ставили первые христианские храмы, а затем основывали и монастырские обители нижегородского юга. С крещением местного населения привоз расхожих икон и распространение их промысла происходили по той же речной и старой дорожной сети.

Интересно, что дороги были причастны не только к развитию, но и к упадку инфраструктуры «суздальщины» в конце XIX в. Важной причиной кризиса промысла и инфраструктуры офеней-иконщиков была так называемая Вторая промышленная революция, а именно — бум строительства железных дорог в Российской империи в 1880–90-е гг. Местным офеням оказалось слишком дорого перевозить иконы железной дорогой. А продавцы икон в регионах начали сами, без их посредничества, заказывать по железной дороге крупные партии икон с «суздальщины»:

Прежде они [торговцы иконами на местах] Мстёры не знали, и мы же в их лавки доставляли иконы (Старое Татарово) <...> Жалуются, далее, офени и на то, что тариф железных дорог на иконы более высок (дер. Мокрово) и что она «за полежалое икон деньги берет, а за опоздание доставки их не отвечает» (дер. Степаново)¹⁹.

Консервативные круги российской интеллигенции выступали против строительства сети железных дорог и экономики, создаваемой ею. Так, например, писатель публицист правых взглядов, князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) рассуждал

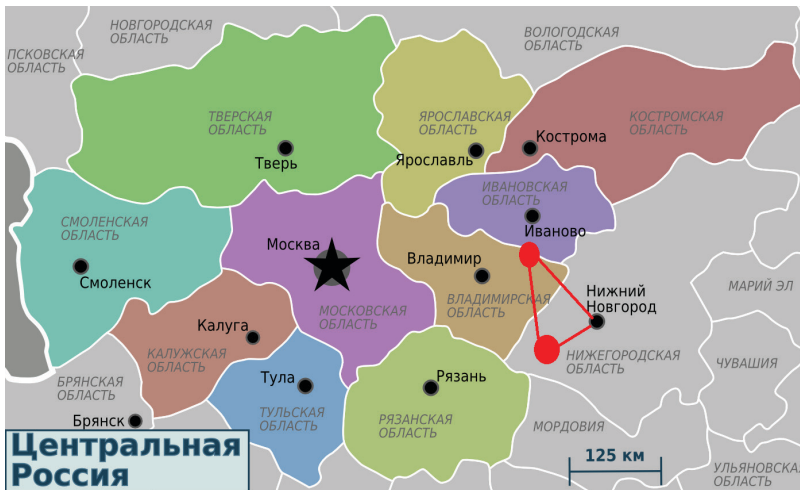
18. Мальшев А. В. По царской Сакме. Древние дороги Нижегородского Поволжья: Опыт исторической реконструкции М.: Эдитус, 2018. 29–41.

19. Леонтьев П. Ф. Офени // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Вязниковский уезд. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903. Т. 4, вып. 3. С. 48.

об этом в своем дневнике, публикуемом им в газете «Гражданин». В записи от 25 сентября 1894 г. он написал: «Железная дорога убивает все до нее бывшие народные ресурсы промысла и заработка там, где она проходит: село, деревня, местечко — все беднеет и рушится». А. В. Бакушинский резюмировал в своем исследовании:

Начало кризиса было положено распространением сети железных дорог. Офенскому делу был нанесен непоправимый удар. <...> Офеню заменил хозяйский приказчик или комиссионер, посредник по заказам. Дешевая рукописная икона шла не только на рынок, но посылалась по особым заказам огромными партиями в крупнейшие монастыри²⁰.

Так железные дороги стали аффордансом для развития новой инфраструктуры и способов распространения массовой иконы.

Ил. 3. «Треугольник взаимодействий» центров «суздальского» иконного промысла (Вязниковский уезд), Нижнего Новгорода (пути поставок фольги, киотов и др. составляющих для расхожих икон, самих икон на Нижегородской ярмарке) и нижегородского юго-запада (до 1920-х гг. — Ардатовский, Арзамасский уезды Нижегородской губернии и Муромский уезд Владимирской губернии)

20. Бакушинский А. В. Искусство Палеха. С. 103.

«Мордовские иконы» vs иконы нижегородского севера: этноконфессиональные и политические аффордансы

На распространение расхожих икон, а затем и их промысла на нижегородском юге оказали влияние военно-политические события XVI в. и последовавшая за ними русская колонизация края. Здесь можно говорить о действии этноконфессиональных и политических аффордансов. Для их описания необходим более глубокий исторический экскурс.

В XIII в. лесные территории по правобережью нижней Оки и рр. Серёжа и Тёша были известны, например, по Никоновской и Лаврентьевской летописям, как *Пургасова волость* — часть «мордовской земли» (междуречья Оки и Суры) под правлением мордовского *инязора* («князя») Пургаза (в русских летописях — Пургас), который вел постоянные войны с мокшанским *каназором* (правителем) Пурешем и русскими суздальскими, рязанскими, муромскими князьями²¹. Эти земли были зоной политического влияния Волжской Булгарии, Золотой Орды (мурзы Бахмета Усейнова) и, позже, Казанского ханства. От р. Оки с запада на восток здесь тянулся широкий массив глухих лесов, называвшийся на своем протяжении Муромским, Выксунским, Салавирским, Саканским, Саровским и Сатисским лесом. Леса эти имели большое значение для «мордовских твердей», беглых, разбойников из русских крестьян, а позже — для укрывшихся в лесных скитах и пустынках старообрядцев, вплоть до XX в.²²

В XIII–XIV вв. граница Владимиро-Суздальского и, позднее, Нижегородского княжеств с татарскими территориями проходила вдоль этих лесов, по р. Тёше, а ее левобережье относилось уже к Золотой Орде. Соответственно, помимо болгарской верхушки и более многочисленной мордвы, здесь проживали татары, а также русские из беглых крестьян, занимавшиеся в основном бортничеством. После взятия Казани татарское население было вытеснено в более восточные земли²³.

21. Мельников П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. С. 28.

22. Мельников П. И. Очерки мордвы. С. 28–29, 37–38.

23. Базаев А. В. История сел и деревень Ардатовского района. Арзамас: Арзамасская типография, 2015. С. 27.

С Муром и Нижнего Новгорода шла русская колонизация этих финно-угорских земель: по Оке — мещеры и муромы, ассимилированных среди русских и мордвы-эрзи к XVI в.²⁴, восточнее и южнее (то есть к современным Кулебакам, Ардатову) — земель мордвы-эрзи. После взятия Казани здесь началась интенсивная христианизация: Иван Грозный раздал землю и «вольную дотолу мордву боярам и монастырям для крещения»²⁵. Земли раздавались русским служилым дворянам, татарским мурзам, воевавшим на стороне Грозного, а также мордве, принявшей православие²⁶.

В деревнях новокрещеной мордвы началось строительство православных храмов, деревни стали селами. Все это потребовало массового притока новых икон (как храмовых, так и недорогих домовых) в регион. Они поступали из ближайших ремесленных центров востока Владимирской губернии. Так нижегородский юг, не имевший глубокой христианской истории, воспринял традицию ремесленной массовой иконы «суздальщины». В XVII–XVIII вв. мордва проживала как минимум в сорока населенных пунктах, которые входят сегодня в Ардатовский район и считаются русскими²⁷. Однако уже с XVI в. приток русских в эти мордовские земли сильно увеличился, и, как отмечают переписи, к 1719 г. вся ардатовская и арзамасская мордва была крещена²⁸. Тем не менее, автохтонное население района сохраняло реликты своих дохристианских верований и особенности национальной культуры вплоть до XX в.

В большинстве домов «вчерашних язычников» домовыми образами оказывались не старинные, а новые расхожие иконы, произведенные поточно «суздальскими» иконниками и купленные у «суздальских» же офеней. Позже, когда на нижегородском юге возникнут свои иконные (монастырские и крестьянские) мастерские, а в советские десятилетия — надомные мастера-кустари, они начнут производить в основном именно такие иконы, напоминающие «суздальские».

24. Морохин Н. В. Наши реки, города и села. Н. Новгород: Книги, 2007. С. 12.

25. Мельников П. И. Очерки мордвы. С. 39.

26. Базаев А. В. История сел и деревень Ардатовского района. С. 28.

27. Списки деревень с эрзянским населением см.: Гераклитов А. А. Арзамасская мордва. С. 67–152.

28. Гераклитов А. А. Арзамасская мордва. С. 71.

В ситуации такого заимствования и дальнейшего развития нижегородского промысла расхожей иконы мы можем говорить о действии следующих аффордансов:

- *политических* (колонизация и христианизация края);
- *торгово-промышленных* (налаживание офенных торговых путей с «суздальщины», возникновение ярмарок с иконными рядами, монастырской иконной торговли в крае, а также иконных крестьянских и монастырских мастерских);
- *этноконфессиональных* (визуальные и артефактные аспекты национальной культуры мордвы, влиявшие на промысел).

Промышленным аффордансом развития на нижегородском юге иконного дела можно считать приток русского населения из Владимирской губернии на металлургические заводы в Выксу и Сноведь (на территории современного городского округа Выкса), Кулебаки, Илёв (на территории современного Вознесенского района), Ташино (современный г. Первомайск). На мордовские земли владимирские переселенцы также приносили с собой традиции «суздальской» массовой иконы. Параллельно заводам и переселенцам на нижегородском юге распространялись монастыри, покрывая край сетью скитов, часовен и местных святынь — почитаемых источников, валунов, деревьев, многие из которых были ранее мордовскими обрядовыми локусами.

Непростая история административно-территориальных преобразований, промыслов и промышленности края (добыча руды, поташный промысел, металлургические заводы Баташевых и др.), этнических процессов и военных событий (войны между русскими, мордвой, татарами, мордовские волнения, восстания и сражения в Смутное время, война Степана Разина) на нижегородском юге сформировали своеобразное культурно-историческое единство этого региона, не последнюю роль в котором играли материальная и духовная культура мордвы, а также местная монастырская религиозная культура края.

Наши полевые исследования последних лет позволяют прийти к выводу о том, что особое распространение расхожая икона получила в зонах культурного фронта — подобных нижегородскому югу. Фолежные иконы-киотки активно распространялись офенями в заселяемых южных степных и лесостепных территориях Дикого поля и в колонизируемых русскими восточных (Поволжье, Приуралье и др.) землях, заселенных мордвой и другими финно-уграми. На этих территориях не было вековых традиций иконописания, поэтому зачастую именно массовые

крестьянские ремесленные иконы (и постепенно складывающиеся их локальные промыслы) становились здесь исторически доминирующими.

Принципиально важными в иконах такого типа становились не лики (и технологии их выполнения), а убор, то есть декорирование, оформление внутри киота. При этом в локальных промыслах этих икон отражались особенности местных художественных традиций этнических групп, чьи земли осваивались русской колонизацией. В таком аспекте можно говорить о расхожих иконах нижегородского юга и их местных некрупных точках промысла как о явлениях фронта, для которых характерна своеобразная гибридная динамика — сочетание процессов колонизации, христианизации и сохранения, ревитализации нативных черт наследия.

В советское время, после исчезновения фабричного и артельного иконного производства и торговых сетей «суздальщины», иконы-киотки начали создавать нелегально сельские кустари. Во многом их технологии наследовали прежним локальным (монастырским и национальным) промыслам. С христианизацией и обрусением мордвы ее культура не замещалась автоматически на русскую — многие ее компоненты сохранились вплоть до наших дней. Неудивительно, что советские фолклорные иконы-киотки в некоторых регионах, к примеру на юге Нижегородской области, сохраняли в своем уборе яркие черты, характерные для традиций народных декоративно-прикладных промыслов и ритуальных артефактов мордвы. Прежде всего, это особенности цветового решения и геометрического орнамента (многолучевые звезды, «снежинки», «елочки» и проч.), характерного также для *парей* (мордовских деревянных сундуков-бочек) и вышивок на женских мордовских рубахах-панарах²⁹.

29. Подробнее об этом см.: Доронин Д. Ю., Завьялова А. И. Цветы Липовки; Мартыанов В. Н. Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1971.

Ил. 4–5. Фолежные советские иконы «цветочной» Ташино-Понетаевской традиции Нижегородской обл.

В с. Понетаевка (Шатковский район), расспрашивая о советских иконах, мы услышали от охранника психоневрологического ин-

терната, до сих пор расположенного на территории Серафимо-Понетаевского Скорбященского женского монастыря³⁰: «А, это всё мордовские иконы!» Далее он описал их как яркие, разноцветные, украшенные фольгой, цветами и фантиками. Действительно, многие из советских икон Дивеевской и Ташино-Понетаевской (Первомайский р-н) традиций оказались очень яркими — местные образованники любили использовать в декоре киота разноцветную фольгу (золотого, желтого, красного, зеленого и пр. цветов). Этим более восточные (на нижегородском юге) традиции советской иконы отличались от более западных (Вачской, Навашинской, Кулебакско-Гремячевской), где проникновение русского населения (со стороны Владимира и Муром) было сильнее, а обрусение финно-угров оказалось более ранним и тотальным. Любовь к монохромной (серебристой) фольге — характерная черта в убранстве советских икон из этих западных районов; орнаменты создавали здесь преимущественно с помощью чеканки и отти-ска по штампам-матрицам.

Пристрастие к ярким крупным цветам в иконах-киотках мы обнаружили не только на нижегородском юге, но и у современной эрзи в селах Республики Мордовии. Там у населения сохранились и другие, собственно мордовские ритуальные артефакты, для оформления которых изготавливали такие же яркие бумажные цветы — например свадебный пирог *лукишо*³¹.

Жители нижегородского севера тоже создавали иконы-киотки в эпоху СССР. Различия между традициями советских икон нижегородского севера и юга невозможно не заметить. На севере Нижегородской области советские иконы формировались благодаря специфическим аффордансам, которые можно отнести к этноконфессиональным. Например, в Воскресенском и Семеновском районах фолежных икон-киоток с расхожими моленными образками (печатными или подфолежными) было обнаружено очень мало, вероятно, потому что на этих территориях было (и до сих пор остается) сильное влияние старообрядческой культуры. Для старообрядцев были значимы иконы медного лития или подстаринного письма, которые до революции они заказывали в Мстёре или Холуе. Многие разновидности расхожих икон, в том числе

30. Монастырь был закрыт в 1925 г. В том же году в его помещениях был организован интернат, который сначала выполнял функции детского дома и был преобразован в ПНИ в 1972 г.

31. Его приносил в дом невесты крестный жениха (*покиш кудо*). Подробнее об этом см.: Доронин Д. Ю., Завьялова А. И. Цветы Липовки. С. 38–41.

подфолежки и фолежные киотки и, тем более, печатные и фотографические иконы, старообрядцы принципиально не использовали. Среди них это ремесло не распространилось и в советское время.

Ил. 6. Эрзянская свадьба в с. Паракино. Девушка *лукишённица* в венке из бумажных цветов. В ее руках и в руках крестного — ритуальные пироги (*лукишо* и *курник*), украшенные бумажным цветами. Фото из архива МРОО «Новое село»

В 2020 г. в церквях с. Владимирское (у оз. Светлояр) мы не увидели привычных по нижегородскому югу фолежных киоток — все иконы здесь были писаными на старинных досках. Некоторые из них по краю были лаконично обклеены полосками алюминиевой фольги советского производства. Осмотр природниковых часовен и домов показал, что фолежных икон-киоток и среди домовых икон здесь мало, но зато есть тип иконы с очень неглубоким киотом, напоминающим, скорее, углубленную рамку, в которой под стеклом может находиться фотографическая иконка (см. ил. 7–8). Работы с молочной фольгой мы также не увидели — подбор материалов в уборе икон казался эклектичным и случайным: цветные бумажки, фантики, немного фольги.

Ил. 7–8. Расхожие иконы северных районов Нижегородской области, как правило, имеют неглубокий киот или просто рамку со стеклом; фольга здесь встречается реже, чем у мастеров нижегородского юго-запада. Сфотографировано в 2010, 2022 гг. в Тоншаевском и Воскресенском районах Нижегородской обл.

Таким образом, на Нижегородчине выявлено как минимум две крупных культурных области, для которых характерно разное развитие промысла расхожих икон и, соответственно, советских икон-киоток: южная и северная культурные области.

Культурная область	Социальные процессы	Ситуация иконного промысла	Типы ключевых аффордансов
1. Южная	Область интенсивного фронта и русской колонизации	Распространение фолежных икон-киоток, в том числе советских икон, формирование локальных центров их промысла	Этноконфессиональные, политические, торгово-промышленные аффордансы
2. Северная	Область с более ранней русской колонизацией, сильным влиянием монастырей и центров старообрядческой культуры, в том числе иконного промысла	Доминирование писанных и литых икон, запрет на инновации в промысле, редкое присутствие расхожей иконы; в советское время фольгой минимально декорируются писанные образы	Этноконфессиональные аффордансы

История фольги: материально-технологические аффордансы «сияющей иконы»

В последнем разделе статьи мы обратимся к наиболее ярким материально-технологическим аффордансам позднего этапа развития промысла фолежной иконы — инновациям и технологиям блестящих, сияющих материалов.

Важнейшими технологическими чертами расхожей иконы были «конвейерность» ее производства и фольга как доминирующий материал. Популярным в народе фолежным иконам

предшествовали другие формы икон, которые тоже могли сиять, отражая свет. Однако достигалось это свойство применением более дорогих материалов (золота, серебра) или, позже, более дешевых сплавов. Расхожие фолежные иконы и советская икона в частности наследовали не иконописному ремеслу, а многовековой традиции создания окладов, в которой были воплощены представления о связи «света» и «святости» как атрибутов Бога и проявления Его силы³²: «Каждый православный человек хотел иметь дома икону в сияющем, золотистом окладе, пусть и не из настоящего золота»³³. Как пишет О. Ю. Тарасов, «потребность московского благочестия закрывать иконы блестящими окладами сообщилась целой промышленности их изготовления»³⁴.

Базовые технологические приемы с металлами — ковка (горячая или холодная) и чеканка — пришли в иконный промысел «суздальщины» из средневекового русского ювелирного дела Новгорода и других северных городов. Ковали, прежде всего, золото, серебро и медь, толщина золотого листа могла достигать сотых долей миллиметра. Для медных листов применялась техника золочения. Применяемые средневековыми чеканщиками инструменты зачастую практически не изменились до наших дней: по нашим наблюдениям, мастера «советской иконы» использовали резцы и чеканы, штампики, долотца, давилки, подобные средневековым пуансонам (ил. 9). Инструмент для нанесения пунктирного точечного орнамента — стальное зубчатое колесико (*накатка*) — мало изменился за последнее тысячелетие³⁵.

32. Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / сост. М. Назаров. М.: Столица, 1991. С. 52–60.

33. Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подокладные (фолежные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 4 [https://sthum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf, доступ от 18.11.2024].

34. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс, Традиция, 1995. С. 177.

35. Арциховский А. В. Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. Новгород: АН СССР, 1939. С. 3–15.

Ил. 9. Чеканка орнамента фигурными чеканами и молотком. Арзамасская традиция, мастер Александр Андреевич Пантеле-ев. Сфотографировано в 2021 г в п.г.т. Гремячево, гор. округа Кулебаки Нижегородской обл.

Ковка и чеканка золота и серебра активно использовались в иконном деле, но использование этих металлов было преградой для развития массовых икон. Попытки удешевить производство «сияющих икон» были и до открытия технологии гальванирования медной фольги: например, «суздальские» ремесленники создавали недорогие иконы, пользуясь коптелью, то есть так называемым «копченым» серебром, которое позволяло имитировать твореное золото³⁶. Однако серебряная фольга была все-таки дорогим материалом. Цену увеличивало и то, что на «суздальщину» ее привозили торговцы, которые перекупали ее в других регионах или же на ярмарках в Москве и Нижнем Новгороде. Однако уже во второй половине XIX в. в Мстёре начали пользоваться своей, а не привозной фольгой: здесь заработали два небольших завода, которые штамповали «ризное серебро» и прокатывали серебряную и медную фольгу.

Были и другие недорогие «конвейерные» технологии изготовления «сияющих икон», например с использованием сплавов. Изделия из медно-цинковых сплавов были известны еще до открытия химиками цинка как химического элемента: в Риме Августа латунь

36. Гольцшев И.А. Богоявленская слобода Мстера, Владимирской губернии, Вязниковского уезда. История ея, древности, статистика и этнография // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: Губернская типография, 1865. Вып. IV. С. 93.

была известна как *орихалк* (златомедь), из нее чеканили монеты. В XIX в. в России и Европе латунь применялась в подделках под золото, а на «суздальщине» с традиционными ризочеканными мастерскими конкурировало ризоштамповальное производство, чьи дешевые латунные оклады использовали для изготовления «подризных икон» или «подокладниц»³⁷. По предположению В.В. Баранова именно из Мстёры на иконный рынок поступала основная масса дешевых окладов. Типичный пример таких икон — продукция мстёрской фабрики В.С. Крестьянинова³⁸.

С латунными подризными и подокладными иконами, в свою очередь, конкурировали фолежные и подфолежные иконы (ил. 10), создаваемые благодаря фольгопрокатному производству и фольгоуборочным мастерским. Вскоре появился еще более дешевый вариант имитации дорогой ризы: фольгу оклада заменила позолоченная бумага.

Ил. 10. Один из типов ремесленной расхожей иконы, широко распространенный на рубеже XIX–XX вв.: писаная щепная подфолежная икона Николая Мирликийского и ее оклад из латунной фольги. Вероятнее всего, работа «суздальских» иконников. Обнаружена в 2021 г. в п.г.т. Гремячево гор. округа Кулебаки Нижегородской обл.

37. Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. С. 185.

38. Баранов В.В. К вопросу атрибуции мстёрских «писем» // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М.М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 245–246.

До изобретения алюминиевой фольги технологической новацией в производстве тончайшей фольги из сплавов был станиоль (листовое олово) — оловянная или оловянно-свинцовая фольга. Свинец добавлялся к олову для достижения большей твердости фольги. Именно станиоль был первым из массовых недорогих видов фольги. Из-за нетоксичности олова станиоль уже в конце XIX в. широко применялся в упаковке продуктов. Поэтому технологическая традиция украшать иконы упаковочными материалами не родилась в советское время, а возникла как минимум в XIX в. Тончайшая фольга станиоля (0,1–0,008 мм) получалась ручным отбиванием с помощью пятикилограммовых железных и деревянных молотков. Рабочие плющили эти листы в стопках до 300 листов на специальных каменных плитах, верхние и нижние листы, на которые приходились удары молотками, шли в брак. Чтобы листы не слипались, их смазывали жиром или минеральным маслом. Затем полученные листы фольги очищали графитовым порошком и хлопчатой бумагой и, при необходимости, окрашивали.

Ключевым аффордансом, позволившим фолежкам захватить рынок массовых икон, стала технология получения дешевой гальванизированной фольги (ил. 11–12). Это стало возможным благодаря изобретению в 1838 г. Борисом Семеновичем (Морицем Германом) Якоби (1801–1874) технологии гальванопластики. В конце XIX в. технология гальванизирования медной фольги применялась на фольгопрокатной фабрике мстёрского единоверца, купца второй гильдии Ивана Егоровича Мумрикова (1845–1913)³⁹.

Появление фолежной иконы-киотки определялось двумя основными причинами: а) спросом на яркие, сияющие (за счет отражающего свойства фольги) домовые иконы, имитирующие богатые храмовые образы; б) появлением недорогих доступных материалов для этого. «Желание благочестивого простолюдина видеть как можно больше блеска и “света” на своей иконе привело к появлению в структуре суздальского иконного дела специальных производств блестящих материалов, поскольку массовое ремесло всегда и везде предполагало имитацию дорогостоящих материалов»⁴⁰.

39. Кондаков Н. П. Современное положение русской народной иконописи. СПб.: Типография Скороходова, 1901. С. 15–16.

40. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. С. 177.

Ил. 11–12. Фолежные иконы-киотки рубежа XIX–XX вв. — еще один распространенный тип ремесленной расхожей иконы. Слева — икона Божией Матери Одигитрия (Казанская), справа — Богоматерь Владимирская. В киотах — подфолежный образ и хромофотография, дореволюционная гальванированная фольга, искусственные цветы. Обнаружены в 2021 г. в с. Шутилово Первомайского района и в п.г.т. Ардатов Нижегородской обл.

Уже в XIX в. дешевую иконку массового производства начали помещать в деревянный киот и украшать, имитируя металлические храмовые ризы и разнообразный декор церковных образов. В ход шла фольга, бумага, воск; по периметру крепили засушенные цветы, свечи, венки невесты и проч. В течение десятилетий материалы, используемые в уборе этих икон, становились все более дешевыми — например, более толстую гальванированную фольгу заменяла золоченая бумага. Для локальных разновидностей таких икон художественные особенности моленного образа зачастую не имели особого значения. Это могла быть любая небольшая иконка, помещаемая в киот, — подфолежница, краснушка или даже печатная на бумаге. Поэтому развитие расхожей иконы этого типа можно представить как взаимодействие двух других важных ее структурных элементов — киота и убора (убранства иконы). Важным исключением являются те локальные традиции фолежных икон-киотов, которые сопутствовали местным иконописным промыслам. Соответственно, такая киотка «собиралась» вокруг рукописного образа, зачастую с очень яркими, узнаваемыми стилевыми особенностями. М. Басова включала такие писанные фолежные иконы-киотки в своей классификации поздней иконописи в группу «примитивов»⁴¹. Примером такой локальной традиции являются иконы-киотки из слободы Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии. Однако и в их случае структурное взаимодействие «киот–убор» было очень важным: «Борисовские иконы, в подавляющем своем большинстве, писались с расчетом быть “обряженными” фольговым окладом и помещенными в деревянный киот»⁴².

С одной стороны, наследуя принципам организации средневековых реликвий, киот как сакральная ниша создавал возможность для наполнения ее различными святынями и элементами убранства, то есть сам действовал как аффорданс⁴³. С другой стороны, хрупкость материала (тонкая фольга или бумага легко рвались, мя-

41. Басова М. К вопросу типологии церковной живописи XIX — начала XX века // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М. М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 270.

42. Припачкин И. А. История иконописного промысла юго-западной России (на примере слободы Борисовки): XVIII — начало XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2006. С. 6.

43. См. об этом: Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киотов» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99. В свою очередь иконы, закрытые стеклом, привели к появлению нового типа реликвий — нерукотворных отпечатков, киотных брандеа. См.: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Отпечаток на стекле: контактные

лись или откреплялись от образа) определяла популярность недорогого киота как футляра: икону вместе с ее ажурным фольговым оформлением стали помещать внутрь деревянного застекленного с лицевой стороны киота. Так родились *фолежные иконы-киотки* XIX в., фольга для которых была доминирующим материалом.

Существуют разные мнения о значении фольги в развитии иконного промысла. Создатели Комитета попечительства русской иконописи считали, что появление расхожих фолежных икон со штампованными окладами или совсем дешевой фольговой бумагой — это следствие кризиса и конкуренции, которую вызвали печатные иконы. Однако последующие исследования показали, что фолежная икона — не дешевый ответ нищающего из-за конкуренции ремесленника, а фабричное производство, организованное состоятельными людьми. В случае промышленного производства фолежных икон «не оклад создавался для готовой иконы, а икона для готового оклада»⁴⁴.

В советские десятилетия технология декорирования икон-киотов изменилась. Некоторое время у мастеров/мастериц сохранялись запасы станиоля или толстой гальванизированной фольги, изготовленных в дореволюционных фольгопрокатных мастерских и цехах иконных фабрик. С массовым закрытием в начале 1930-х гг. монастырей инокини, обряжавшие фолежные иконы в монастырских мастерских, могли перейти жить в близлежащие села и деревни, принося с собой фольгу и инструменты.

Со временем запасы такой фольги иссякали, поэтому мастера все чаще использовали очень тонкую, менее качественную фольгу, прежде всего от чайных упаковок. Однако такая фольга была легко рвущейся и потому менее удобной для работы. По воспоминаниям наших респондентов, для мастера или мастерицы эту фольгу могли собирать всем селом. В некоторых иконах, украшенных до 1960-х гг., обнаруживаются вставки из нескольких кусочков фольги разного типа (медной, алюминиевой, тонкой и толстой).

Параллельно развивались и альтернативные способы украшения икон. Сельские образовники часто использовали не малодоступную им фольгу и цветную бумагу, а другие материалы, например, липовое лыко и тряпочки (ил. 13–14).

реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(3). 209–243.

44. Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме.

Ил. 13–14. На раннем этапе развития традиции советских икон-киотов (1930–40-е гг.) мастера использовали не фотографические, а дореволюционные (писанные и хромолитографические) образы, а вместо фольги основным материалом убора было лыко, поставляемое от колхозного мочального промысла. Лыко красили, им выстилали киот (икона «Серафим Саровский на камне») или цветы (Богоматерь Одигитрия). Обнаружены в 2021 г. в п.г.т. Гремячево гор. округа Кулебаки и в п.г.т. Ардатов Нижегородской обл.

Однако мощный импульс широкому распространению «советских икон» дали не локальные промыслы, а модернизация молочной промышленности страны. С начала 1960-х гг. на заводах Советского Союза бутылки с разными молочными продуктами стали запечатывать фольговыми крышечками разных цветов. Эти крышечки штамповали из ленты толстой алюминиевой фольги 6,5 см шириной, которая поступала на производство большими рулонами (см. ил. 15). Именно такая фольга стала самым распространенным материалом для окладов советских икон. Ширина ленты определила и глубину многих киотов, которые изготавливали для иконы — около 6 см.

Лыко и молочная фольга — яркие примеры материально-технологических аффордансов (*промыслового* — в случае с лыком и *промышленного* — в случае с фольгой) в развитии иконного промысла. Молочная промышленность произвела своего рода ре-

волюцию в иконном деле: поскольку по всей стране фольга на молокозаводах была одинаковой, она (оказавшись доступной благодаря «несунам», снабжавшим мастеров-образовников) внесла некоторую унификацию в многообразие локальных традиций «советской иконы» — по меньшей мере в материальном плане. Эта фольга воспринималась как ценный и красивый материал: на некоторых советских иконах она закрывает качественные, хорошо сохранившиеся элементы дореволюционного убора — золотое шитье или латунную ризу. Для мастера и/или владельца иконы ценным оказывался не старинный (скорее всего потускневший) убор, а новый яркий материал, способный отражать свет и сверкать в красном углу.

Ил. 15. Фолежная лента, вынесенная в советское время для мастера-образовника с местного молочного комбината. Принято в дар от Анны Матвеевны Фроловой, мастерицы-образовницы Дивеевской традиции, в 2021 г. в с. Елизарьево Дивеевского района Нижегородской обл.

Толщина и тип фольги диктовал способ работы с ней. В XIX — начале XX в. боковины из широких прочных полос гальванизированной фольги очень часто теснили продольными «складками»-каннелюрами, наподобие колонн или барочных рам, распространенных в храмовом русском искусстве Нового времени⁴⁵. В позднее советское и даже постсоветское время оформление боковин «каннелюрами» в большей степени сохранялось у обра-

45. Бочаров Г. О некоторых направлениях в иконописи XVIII–XIX веков // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М. М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 8.

зовников южных областей — Тамбовской, Липецкой, Воронежской, Белгородской и др. Однако такое оформление было сложно или невозможно сделать на тонкой алюминиевой фольге советского производства — особенно учитывая, что мастера использовали не большие полосы, а кусочки тонкой упаковочной фольги. Здесь для создания фолежного убора требовались другие технологии. Обычно образовница (или образовник) сначала создавала каркас из скрученной в трубочку бумаги. Этот материал тоже был не самым заурядным ресурсом в бедном советском селе — в ход шли чаще всего советские газеты или школьные издания — использованные тетради, атласы. Бумажный каркас либо приклеивали в киот, либо просто вставляли в него «в распорку». Затем на каркас накладывали фольгу с уже вытисненным на ней орнаментом. Для тиснения часто использовали деревянную штемпельную основу, узор которой легко прочитывается в оттисках.

Боковины из более толстой молочной фольги можно было изготавливать без бумажной основы. Листы фольги загибали, чтобы они приобретали полукруглую выпуклую форму — это делали, к примеру, с помощью накладывания фольговой ленты на толстую скалку. И уголки, и боковины, как правило, украшали геометрическим или растительным орнаментом, а отдельные элементы орнамента (цветы или листья) иногда раскрашивали красками. Молочная фольга хорошо подходила для чеканки, пробивного орнамента, работы стилем и создания более сложных орнаментов, чем просто методом отпечатывания.

* * *

В заключение скажем несколько слов об основных материально-технологических чертах советской фолежной иконы. Для всех типов расхожих икон (бумажных, жестяных, фолежных, щепных и пр.) до советской эпохи были характерны общие черты: массовость, «конвейерность» и быстрота производства, дешевизна материалов и самих икон, ориентация на многочисленного небогатого покупателя. Дешевизна, простота, массовость были значимы и в промысле советской иконы. В этом плане она — одна из форм иконы расхожей. Однако помимо этого советская икона создавалась и в совсем других, уникальных и экстраординарных условиях: прагматика ее промысла не была связана с извлечением выгоды из массовости, «конвейерности» или быстроты производства. Она заключалась в восполнении дефицита: прекратили существовать

все другие формы иконного промысла, а также стоящие за ними капиталы и инфраструктуры, поэтому новым, советским мастерам-образовникам нужно было найти выход из сложившегося положения. Из предшествующих форм иконного промысла были заимствованы наиболее простые технологии и дешевые расходные материалы. Однако они были частично переизобретены: вместо утраченных хромофотографий стали использовать раскрашенные фотографии, вместо гальванированной фабричной фольги, изготавливаемой в XIX в. специально для иконного дела, — фольгу, вынесенную с советских производств. Здесь советская икона сохранила другой важный признак дореволюционной фольклорной иконы — богатое убранство, копировавшее роскошные храмовые оклады, и способность сиять, отражать и словно бы создавать свет.

Библиография / References

- Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / сост. М. Назаров. М.: Столица, 1991. С. 52–60.
- Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Отпечаток на стекле: контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(3). 209–243.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.
- Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 136–163.
- Арциховский А. В. Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 / Под общ. ред. Б. Д. Грекова. Новгород: АН СССР, 1939. С. 3–15.
- Базаев А. В. История сел и деревень Ардатовского района. Арзамас: Арзамасская типография, 2015.
- Бакушинский А. В. Искусство Палеха. М.–Л.: Academia, 1934.
- Баранов В. В. К вопросу атрибуции мстёрских «писем» // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М. М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 243–252.
- Басова М. К вопросу типологии церковной живописи XIX — начала XX века // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М. М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. 263–270.
- Бочаров Г. О некоторых направлениях в иконописи XVIII–XIX веков // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия / Ред.-сост. М. М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 7–16.

- Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подокладные (фолежные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // *Studia Humanitatis*. 2021. № 4. [https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf, доступ от 18.11.2024].
- Вальчак Д. Как изобретение печатной машины повлияло на русскую иконопись? Печатные иконы в России конца XIX — начала XX в. // *Studia Humanitatis*. 2021. № 2. [https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_4.pdf, доступ от 18.11.2024].
- Волкова Н.А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // *Социология власти*. 2019. № 31(2). С. 92–115.
- Герасимов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII веков. Саратов: Издание Правления Саратовского Государственного Университета, 1930.
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гольцман И.А. Богоявленская слобода Мстера, Владимирской губернии, Вязниковского уезда. История ее, древности, статистика и этнография // *Труды Владимирского губернского статистического комитета*. Владимир: Губернская типография, 1865. Вып. IV. С. 76–106.
- Доронин Д. Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин Д. Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2024. № 2. С. 35–60.
- Доронин Д. Ю., Завьялова А.И. Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2023. № 2. С. 32–55.
- Кондаков Н.П. Современное положение русской народной иконописи. СПб.: Типография Скороходова, 1901. С. 15–16.
- Леонтьев П. Ф. Офени // *Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Вязниковский уезд. Промыслы крестьянского населения*. Владимир, 1903. Т. 4, вып. 3. С. 42–51.
- Мальцев А.В. По царской Сакме. Древние дороги Нижегородского Поволжья: Опыт исторической реконструкции М.: Эдитус, 2018.
- Мартынов В.Н. Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1971.
- Мельников П.И. Очерки мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981.
- Морохин Н.В. Наши реки, города и села. Н. Новгород: Книги, 2007.
- Припачкин И.А. История иконописного промысла юго-западной России (на примере слободы Борисовки): XVIII — начало XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2006.
- Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс -Традиция, 1995.
- Тихонравов К.Н. Народная промышленность и ярманочная торговля в Холуйской слободе, Владимирской губернии // *Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. и изд. К. Тихонравов, ред. неофициальной части Владимирских губернских ведомостей, член Императорских о-в: Русского Географического и Археологического и соревнователь Императорского Московского о-ва истории и древностей российских*. М.: в Унив. Тип., 1857. С. 27–32.

- Тихонравов К. Н. Офени Владимирской губернии // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. и изд. К. Тихонравов, ред. неофициальной части Владимирских губернских ведомостей, член Императорских о-в: Русского Географического и Археологического и соревнователь Императорского Московского о-ва истории и древностей российских. М.: в Унив. Тип., 1857. С. 22–27.
- Ушаков Н. Н. Исторические сведения об иконописании и иконописцах Владимирской губернии // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга VIII. Владимир: Типография Губернского Правления, 1906. С. 1–56.
- Blewett, C., Wayne, H. (2016) “Actant Affordances: a Brief History of Affordance Theory and a Latourian Extension for Education Technology Research”, *CriStaL : Critical Studies in Teaching & Learning* 4(1): 55–73.
- Gibson, J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Keane, W. (2014) “Rotting Bodies: the Clash of Stances toward Materiality and its Ethical Affordances”, *Current Anthropology* 55(10), pp. 312–321.
- Keane, W. (2014) “Affordances and Reflexivity Inethical Life: an Ethnographic Stance”, *Anthropological Theory* 14(1): 3–26.
- Meyer, B., Houtman, D. (eds.) (2012) *Things: Religion and the Question of Materiality*. New York: Fordham University Press.